

УДК 821.161.1 (091) «18»

Е.В.Целикова

ОБ ОДНОЙ ПАРОДИИ Д.Д.МИНАЕВА

Гуманитарный институт Череповецкого государственного университета

The article reviews on of D.Minaev's parodies f 1863 on A.Fet. The parody is directed against out-of-words, musical principle of «influence of sound», which is inherent to the creative work of the last. The mechanism of Minaev's parody, finding itself on the different text levels, is analysed.

В 1863 г., подводя итог 25-летней поэтической работе, А.А.Фет издает двухтомное собрание своих стихотворений. Незадолго до этого, в 1862 г., он публикует в «Русском вестнике» адресованные таким же,

как он, землевладельцам «Записки о вольнонаемном труде» и очерки «Из деревни», в которых с жесткостью «принципиального помещика» описывает, как надо вести усадебное хозяйство: взыскивать деньги с

нарушителей границ частных владений, налагать штрафы на работников за нерадивость и лень. Очерки эти вызвали негодование всей демократической печати. Общее возмущение коснулось не только публицистики Фета, но существенным образом отразилось и на его поэзии. Критика встретила «Стихотворения» Фета градом насмешек, пародий и оскорблений. Д.И.Писарев злобно пророчествовал: «Со временем... продадут его пудами для оклеивания комнат под обои и для завертывания сальных свечей, мешчерского сыра и копченой рыбы. Г. Фет унижится таким образом до того, что в первый раз станет приносить своими произведениями некоторую долю практической пользы» [1]. Сотрудник «Русского слова» В.А.Зайцев замечал: «Такое занятие, как выдумывать такие стихи, ничем не отличается от перебирания пальцами, которому с наслаждением предаются многие купчихи» [2]. Самым корректным из подобных отзывов было замечание М.Е.Салтыкова-Щедрина, писавшего в рецензии на собрание стихотворений Фета, что «мир, поэтическому воспроизведению которого посвятил себя г. Фет, довольно тесен, однообразен и ограничен» [3].

Своеобразной реакцией на публикацию «Стихотворений» А.А.Фета стали пародийные циклы и фельетоны Д.Д.Минаева, который был солидарен в оценке Фета с редакцией журнала «Русское слово». Так, в девятом номере «Русского слова» Минаев публикует статью под названием «Лирическое художество. (Письма и размышления российского сочинителя, критика и стихотворца, отставного майора Михаила Бурбонова)». В этот фельетон было включено несколько пародий на Фета, в том числе на его программное стихотворение «Как мошки зарею» (1844):

Гоняйся за словом тут каждым!
Мне слово, ей-богу, постыло!..
О, если б мычаньем протяжным
Сказаться душе можно было! [4]

Пародия эта интересна прежде всего своей «непохожестью» на другие минаевские произведения подобного рода: она крайне компактна, концентрирована и агрессивна. Минаев предваряет пародийный текст небольшим замечанием, характеризующим творчество Фета в целом: «Муза г. Фета задалась грациозной работой подбирать звучные, мелодические слова, которые будучи подобраны вместе, производят эффект своей музыкальностью. Весь процесс ее творчества состоит в том, что она ловит картинные выражения и из них лепит одну общую мозаику, вовсе не беспокоясь о том, будет ли смысл в целом произведении» [5]. Далее Минаев предлагает читателю поупражняться в такого рода поэзии: «Попробуйте составить вместе ряд музыкальных слов, и хотя бы между ними не было никакой связи, но все-таки их музыкальность приятно будет дразнить ваше ухо» [6] и приводить в качестве примера собственное сочинение, составленное по этим правилам:

Олеандра гирляндой над бандой;
Виден локон из окон и ленты;
А Кассандра, обняв Александра,
Под чинарой сосет пеперменты... [7]

Эта звучная бессмыслица, по мнению Минаева, могла бы совершенно естественно вписаться в общий строй

стихотворений фетовского сборника, ничем не выделяясь на его фоне.

Итак, суть язвительных замечаний Д.Минаева сводится в основном к тому, что поэзия А.Фета лишена смысла, бессодержательна. Причины этого он видит, в частности, в особом отношении поэта к звуку.

Действительно, для поэзии Фета мелодика, ритмика, все, что он понимает под словом «звук», имеет исключительное значение. Стихотворение «Как мошки зарею» имеет программный характер для его поэзии: в нем отражено понимание автором особой роли звука в стихе. По мнению Б.Я.Бухштаба, «“звук” у Фета означает не только звуковую инструментовку... а принцип поэтического творчества вообще» [8].

Как мошки зарею,

Крылатые звуки толпятся... —
воскликает поэт [9]. Ключевой образ данного стихотворения — «звук» — сравнивается с роем крохотных мошек, «танцующих» в лучах восходящего солнца, когда земля еще покрыта дымкой тумана, в воздухе веет утренней прохладой, и все вокруг зыбко и эфемерно. И этот мир полутонов и теней — мир, в котором единственно может существовать «мечта»:

С любимой мечтою

Не хочется сердцу расстаться.

«Любимая мечта» — это творческая интуиция поэта, постигающая мир не эмпирически, не рационально, а с помощью бессознательного инстинкта, вдохновения. Фет считал, что, реализуясь в слове, «мечта» утрачивает нечто главное, то, что слово в полной мере не в состоянии передать в силу своей специфики: слово хотя и полисеманлично, но оно прежде всего имеет конкретное значение — называет явления действительности. Однако, соприкасаясь с действительностью, «мечта» трансформируется в нечто иное, быть может близкое, похожее, но не тождественное. По мнению Фета, смысловая природа слова недостаточно богата, она замкнута в пределах заданных номинацией рамок и не может быть столь же гибкой и многогранной, как звук:

Но цвет вдохновенья

Печален средь будничных терний;

Былое стремленья

Далеко, как отблеск вечерний.

«Будничные тернии» — это реальная, внепоэтическая действительность. Вдохновение же, порождающее «крылатые звуки», бледнеет и угасает, соприкасаясь с будничным, соприкасаясь со словом. «Невыразимость чувства словом, «бедность слова» для выражения душевной жизни — одна из основных тем Фета» [8].

Мысль о том, что можно избежать слова, найти иной, интуитивный путь постижения действительности звучит в последнем четверостишии стихотворения:

Но память былого

Все крадется в сердце тревожно...

О, если б без слова

Сказаться душой было можно!

Идее «без слова сказаться» Фет был верен на протяжении всей своей жизни. Эта мысль декларируется и углубляется в ряде стихотворений последующих лет:

«Что не выскажешь словами — // Звуком на душу навей» («Поделись живыми снами...», 1847), «Не нами бессилье изведено слов...» («Напрасно...», 1852) — вплоть до поздних строк 1887 г.: «Как беден наш язык! — Хочу и не могу...».

В стихотворении «Как мошки зарею...» возникает традиционная для литературы и литературоведения проблема: замысел и его воплощение, но решает ее Фет достаточно необычно. Замысел (весь спектр чувств и мыслей, «музыкально неуловимых» по своей природе) оказывается богаче воплощения, ибо поэтический текст, считает Фет, ограничен возможностями его словесного выражения. Именно поэтому Б.Я.Бухштаб называет одним из основных принципов поэзии Фета «“внесловесный”, музыкальный принцип воздействия “звуком”» [10]. Действительно, Фет стремился в своей поэзии расширить смысловые возможности слова, приблизить его к мелодике. «Муза Фета искала выразительности не столько в превращении слова-названия, слова-знака в слово-представление, слово-образ, сколько в повышенном внимании к звучанию слов», — пишет Д.Д.Благой [11]. Звук у Фета — это «крылья слов» [12].

Наиболее точное определение фетовской творческой манеры — импрессионизм. Основным эстетическим принципом импрессионизма является непосредственная передача впечатления от действительности. Импрессионисты создали тип «мгновенного» пейзажа. Они стремились запечатлеть действительность в чем-то неясном и текучем. В импрессионизме нет линии, контура или детали, их место занимает «характер», «настроение», «мелодия».

Таким образом, можно говорить о «фетовском звуке» как о принципиально новой форме изображения действительности. Однако это новаторство не в состоянии была оценить демократическая критика 1860-х годов.

В «Искре» за 1863 г. было напечатано огромное количество фельетонов, пародий, сатирических заметок, направленных против самого А.Фета и его поэтического творчества в целом. Особенно острые и язвительные пародии, местами переходящие в открытую грубость, обличали именно звуковой принцип поэзии Фета. На характер пародии Д.Минаева «Гоняйся за словом тут каждым!» во многом повлиял отзыв Н.А.Добролюбова на вышедший в 1859 г. сборник пародий «Перепевы. Стихотворения обличительного поэта», где Минаев уже обращался к творчеству Фета. В своей рецензии критик пишет, что сами по себе стихотворения Фета уже пародия и их «иначе никто и не примет, как за написанные насмех (если не предупредить, разумеется, что тут бездна поэтических красот)» [13], именно поэтому поэзия Фета не заслуживает быть предметом пародии. Добролюбов считает целью пародии прежде всего *обличение*: «...Совокупность современных поэтов наших лишена страсти и энергии и оттого не может иметь сосредоточенности, а страждет, напротив, разбросанностью, неопределенностью, нерешительностью. Стихи наших новейших стихотворцев — деланные. <...> ...многие и не способны страстно полюбить, но все уверяют, что любят. Вот тут-то и надо ловить и

обличать (курсив мой. — Е.Ц.) их; тут-то и годится пародия» [14].

Усвоив «установку» Добролюбова, мнением которого он чрезвычайно дорожил, Минаев пишет пародию «Гоняйся за словом тут каждым!». Он обличает здесь художественный индифферентизм Фета по отношению к общественной жизни и нравственным вопросам через развенчание бессмысленного, по его убеждению, «музыкального принципа» творчества. Для Минаева «каждый поэт тоже практический деятель в каждом своем произведении» [15]; для Фета понятия «поэт» и «человек» не только не тождественны, но напротив резко различны. В статье 1859 г. о стихотворениях Ф.Тютчева Фет писал: «...вопросы: о правах гражданства поэзии между прочими человеческими деятельностями, о ее нравственном значении, о современности в данную эпоху и т.п. считаю кошмаром, от которого давно и навсегда отделался» [16]. Внесение в искусство животрепещущих вопросов социальной жизни представлялось Фету дискредитацией искусства, своего рода святотатством. Минаев же, напротив, не признавал искусство вне действительности, вне общественной, гражданской проблематики. Его оригинальные стихотворения, написанные в духе «некрасовской школы», в основном повествуют о судьбе бедняка, крестьянина, о социальном неравенстве, о невыносимом положении народа, о гнете богатых. Тяготение Фета к импрессионизму, к «невыразимому», к «звуку» казалось Минаеву совершенным абсурдом.

Звук сам по себе кажется Минаеву мелочной бессмыслицей, не важной для хорошей поэзии, поэзии мысли, поэзии идеи. «Какова же идея фетовского стихотворения?» — спрашивает Минаев своей пародией у читателя. Какую мысль, способную «жечь сердца людей», несет стихотворение «Как мошки зарею»? «О, если б без слова // Сказаться душой было можно!»?! По мнению Минаева, это мелко, необидительно и, естественно, асоциально. В пародии «звук» (в силу непонимания) подменен «словом», однако гневный тон от этого ничуть не меньше:

Гоняйся за словом тут каждым!

Мне слово, ей-богу, постыло!..

Звук и слово для Минаева неразделимы. Они лишь элементы стихотворения, сами по себе, без определенной главенствующей идеи, без темы, они не имеют самостоятельного характера, играют подчинительную роль. Поставленный в сильную позицию начала стихотворения императив передает всю полноту минаевского негодования: Фет «копается» в звуках и словах, не имея при этом ни одной сколько-нибудь стоящей мысли, требующей выражения; для него важны лишь «звучные мелодические слова» — они составляют самоцель его поэзии. Чтобы вскрыть всю абсурдность фетовской лирики, несостоятельность «звукового принципа» его творчества Минаев сравнивает стихотворение Фета с мычанием:

О, если б мычаньем протяжным

Сказаться душе можно было!

У Фета «звук» возникает лишь потому, что художественный идеал погибает от соприкосновения со словом: «Но цвет вдохновенья // Печален средь буд-

ность фетовского отношения к слову, а следовательно, и его поэтического новаторства.

1. Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. М., 1955 — 1956. Т.2. С.333.
2. Зайцев В.А. Избр. соч. М., 1934. Т.1. С.108.
3. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965 — 1977. Т.5. С.383.
4. Цит. по: Поэты «Искры»: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и прим. И.Г.Ямпольского. Л., 1955. Т.2. С.133.
5. Русское слово. 1863. №9. С.26.
6. Там же. С.27.
7. Там же.
8. Бухштаб Б.Я. А.А.Фет // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., ред. и прим. Б.Я.Бухштаба. Л., 1937. С.ХХ.
9. Фет А.А. Стихотворения. М., 1970. С.109.
10. Бухштаб Б.Я. Указ. соч. С.ХХIII.
11. Благой Д.Д. Мир как красота. О «Вечерних огнях» А.А.Фета. М., 1975. С.69.
12. Там же. С.70.
13. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т.3. С.604.
14. Там же. С.606-607.
15. Цита. по: Поэты «Искры». Т.2. С.31.
16. Фет А.А. Стихотворения Федора Тютчева // Фет А.А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т.2. С.162.
17. Цита. по: Эткинд Е.Г. Материя стиха. СПб., 1998. С.264.
18. Там же.
19. Белый А. Глоссолалия. Поэма о звуке. Берлин, 1922. С.106-107.
20. Бальмонт К.Н. Поэзия как волшебство. М., 1916. С.256-257.
21. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. С.232.
22. Там же. С.117.